

Едва переступив порог дома и скинув с плеч тяжелый квадратный рюкзак, Валентин рыдался в голос. На кухне сразу же раздался грохот. Это до смерти напуганная мама уронила кастрюлю с очищенным картофелем.

— Что?! Валя?! Что случилось? Господи! — кричала мама, насильно поворачивая Валю вокруг своей оси и пытаясь отыскать повреждение.

Она наскоро прощупала через пиджак тонкие мальчишечьи руки, запустила пальцы в густую копну взмокших русых волос и быстро обследовала голову на предмет ранений. Валя тем временем наращивал рыдательные обороты. Мамино внимание всегда подливало масла в огонь его горьких обид. Фонтан «Дружба народов», который учительница показывала утром на картинках, имел гораздо больший литраж, чем девятилетний Валя, но сейчас едва ли он мог потягаться с мальчиком в выразительности разбрызгивания жидкостей.

— Отставить рыдания! — звучно приказал папа, давно наблюдавший за происходящим.

Валя мгновенно затих, оскорбленно глянул на отца, потом перевел взгляд на мать, и слезы продолжали катиться по красным щекам, но уже беззвучно.

— Миленький мой, сыночек! Скажи нам, что случилось? Не пугай так маму!

— Ни... ни... ничего не случилось, — выдавил Валя, всхлипывая. — Просто я... просто я... страшный!

Слово «страшный» получилось сиплое, низкое. Можно, в общем-то, сказать, страшное.

— Во номер! — удивился папа и сложил руки на груди. — С чего это ты взял?

— Так, сыночка, снимай туфли, умывайся, а потом поговорим. Папа сейчас за тортиком сбегает. Хочешь торт? — засуетилась мама, стягивая со школьника пиджак. — За чаем и поговорим. Так лучше будет.

Папа, не любивший тортики и особенно — за ними ходить, буркнул что-то невразумительное, но пошел одеваться.

Не прошло и полчаса, а Валюшка уже уныло жевал кусок шоколадного бисквита. Мама и папа устроились напротив.

— Валентин, с чего ты взял такую глупость? — не выдержала мама.

Валюшка скорбно проглотил прожеванное.

— Это не глупость. Я — страшный, — сказал мальчик с той же обреченной уверенностью, с

какой, должно быть, однажды произнесли фразу «И все-таки она вертится!» — Просто урод.

— И в каком именно месте, позволь спросить, ты — страшный урод? — любопытно спросил папа, иронически поджав губы.

— Вот в этом!

Пальцем, густо измазанным шоколадом, Валюша ткнул себя в нос. Мама тут же отерла полотенцем поставленную на кончик носа сладкую печатку. Она приняла близко к сердцу заявление сына и сильно нервничала. Потому молчала.

Нос у Валика и в самом деле был примечательный — тонкий и очень длинный. Эту особенность он унаследовал от мамы. Но из-за больших черных глаз и пухлых розовых губ маме их общий нос шел гораздо больше, чем веснушчатому голубоглазому Валику. Всем остальным, кроме носа, он удался в папу.

— Как я вообще буду дальше жить с таким шнобелем? — драматически спросил Валентин.

— Давай отрежем, — предложил нечуткий папа.

— Валюша, у тебя самый замечательный нос! Правда, папа? Он немного великоват, но это даже лучше. Большой нос выглядит очень мужественно, — стала уговаривать мама. — Скажи ему, папа!

— Конечно. У всех настоящих мужиков огромные носы. Видел портрет Наполеона? Вот такенный клюв у него был!

Валентин злобно отодвинул блюдце с тортом.

— А новенький Рома так не думает!

— Что за Рома?

— Терещенко. Его на этой неделе из «Б» класса к нам перевели.

— И что же, это он тебе сказал, что ты страшный? — Голос мамы изменился. Стальным альтом в нем зазвучало задетое достоинство.

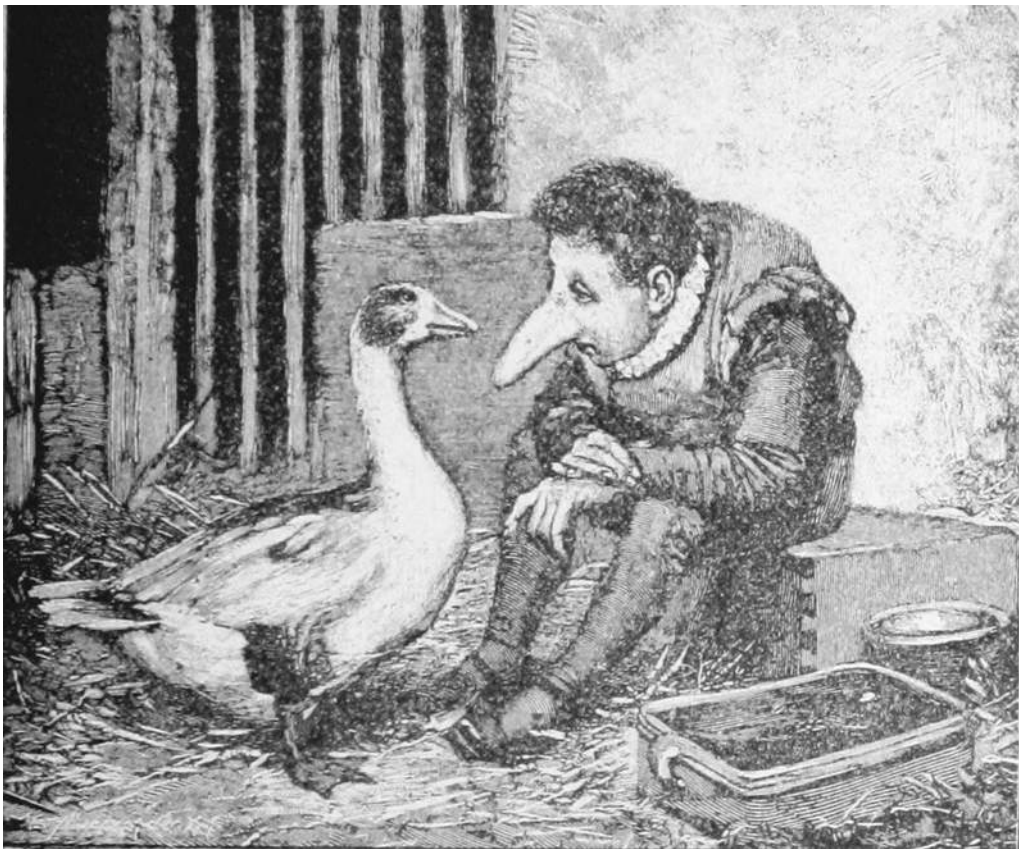
— Он не сказал. Он просто... он просто с самого утра смотрел на меня вот так противно и тер свой нос.

Слезы снова повисли на Валюшкиных ресницах.

— Так надо было потереть ему морду кулаком, — возмутился папа.

— Дима, Дима, ну чему ты его учишь? Валечка, а ты уверен, что он хотел тебя обидеть? Может, он просто шутил?

— Ну конечно, шутил! Все время на меня смотрел и тер, тер. Так, что сам красный стал, как помидор. И Милка мне сказала: «Это он над твоим

огромным шнобелем смеется!» Вот увидишь, завтра меня все в школе будут Шнобелем называть!

— Ну и дела... — Озадаченный папа развел руками. — Нет, тут только морду чистить.

— Вот еще! Ни в коем случае! — твердо заявила мама. В ее голову явно пришло готовое решение. — Знаешь, что тебе нужно сделать? Отплатить ему той же монетой.

— Ага, как это? У него знаешь какой нос маленький? Вот такусенький.

Валик двумя пальцами обозначил физиогномические особенности недруга.

— Но ведь у него тоже есть что-нибудь такое некрасивое, уродливое? Наверняка есть.

Валик задумался.

— Например, волосы плохие, — предложила мама.

— Тогда можно Лысым прозвать, — поддержал папа.

— Нет, волосы хорошие, — рассудил Валентин.

— Не очкарик? — на всякий случай поинтересовался папа.

— Не-а.

— Может, коротышка? Недоросток?

— Гном?

— Нет. Он высокий.

— Тогда Шпала. Или Шваброид.

— Знаю! — вскричал наконец Валик с торжеством. — Он все время шмыгает. Вот так.

Он возбужденно вскочил со стула и живописно изобразил повадки врага.

— Ну вот, — обрадовалась мама. — Решено. Пусть будет Шмыгало.

— Нет, лучше просто — Сопля, — решил папа.

Валентин заговорщически поглядел на родителей и радостно захихикал. Все положили себе по второму куску торта и с аппетитом принялись за еду.

— Мама! Мама! Я хочу назад в «Б» класс! — злобно закричал Рома с порога.

— Чего это? — удивилась встревоженная мама.

— У меня аллергия, а они смеются надо мной. Один мальчик весь день в нос себя тыкал и на меня смотрел.

— Так-так, раздевайся, мой руки, и за столом поговорим. Хорошо, что папа сегодня дома обедает.